

ВИЦИ-ГМЦИ

ПРЕЛЮДИЯ

Вот она, Америка!
Вот он, вот он, Новый Свет!
Не теперешний, что начал
Увядать в европеизме.

Вот он, Новый Свет, в том виде,
Как он только что Колумбом
Извлечен из океана!
Влажной свежестью он дышит...

Весь осыпан и обрызган
Словно жемчугом — и ярко
Разгорается под солнцем.
Сколько в нем здоровья, силы!

Не кладбище романтизма
Этот свет, не куча хлама,
Крытых плесенью символов,
Париков окаменелых.

На его здоровой почве
Всё здоровые деревья:
Ни в одном нет байронизма,
Ни в одном — спинной сухотки.

На ветвях сидят, качаясь,
Птицы в ярких, пестрых перьях;
Как в очках, глаза их блещут
В круглых черных ободочках.

Важно длинный клюв насупив,
На меня все молча смотрят;

Но всмотревшись, начинают
Тараторить, как торговки.

Что кричат, не понимаю,
Хоть не хуже Соломона,
Мужа тысячи красавиц,
Я языки птичьи знаю.

Соломон же, как известно,
Знал все птичьи диалекты —
И не только все живые,
Но и вымершие даже.

Здесь, на новой почве, новы
И цветы и ароматы.
Ароматы эти страстно
Раздражают обонянье...

Нежат, тешат и щекотят. ..
И мой нос в недоуменьи
Трудным мучится вопросом:
Где духи такие нюхал?

Может быть, на Риджент-стрите,
На груди у знойно-желтой,
Гибкой, стройной той яванки,
Что всегда цветы жевала?

Или, может, в Роттердаме,
Близко статуи Эразма,
В белой вафельной лавчонке,
За таинственной гардиной?

Но пока в таком смущеньи
Новый Свет я созерцаю,
Сам я, кажется, внушаю
Вдвое большее смущенье.

Увидав мою фигуру,
В куст шмыгнула обезьяна
И, крестясь, кричит в испуге:
«Призрак! призрак старосветский!»

Обезьяна! не пугайся!
Я не призрак, не виденье —
Жизнь в моих струится жилах;
Верь, я сын вернейший жизни!

Но я долго был в сношеньях
С мертвецами — и усвоил
От покойников манеры
И их тайные причуды.

Годы юности цветущей
Проводил я в Венусберге,
Да в Кифгейзере, и в разных
Катакомбах романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Я люблю тебя.. . Я вижу
На твоей блестящей, голой,
Гладкой заднице три цвета:

Черный, красный, золотистый!
Эти три любезных цвета
Мне родные, — и я с грустью
Вспомнил знамя Барбароссы.

I

Он ходил в венке лавровом,
В золотых блестящих шпорах,
А героем всё же не был, —
Да плохой он был и рыцарь.

Был разбойничьей он шайки
Атаманом, — в книгу славы
Кулаком вписал он наглым
Имя наглое Кортеса.

Он под именем Колумба
Расписался в ней, — и каждый
Школьник нынче вместе учит
Наизусть два эти имя.

За Колумбом Христофором
И Кортеса Фердинанда
Он зовет великим мужем
В новосветном пантеоне.

О, игра судьбы лукавой!
Вместе с именем героя
Слито имя прощальги
У людей в воспоминаньи.

Уж не лучше ли безвестно
Кануть в вечное забвенье,
Чем влачить с собой в соседстве
В даль веков такое имя?

Христофор Колумб родился
Быть героем. Он как солнце
Светел был великим духом;
Да и щедр он был как солнце.

Были люди, что и прежде
Нам давали много; он же
Подарил нас целым светом,
Что Америкою назван.

Он не мог людей избавить
Из глухой земной темницы;
Но темницу им раздвинул
И длиннее цепь им сделал.

И его чтут свято люди,
Изнывавшие от скуки
И в Европе, и в пределах
Африканских и азийских.

Лишь один из всех героев
Подарил нам нечто больше,
Чем Колумб, и нечто лучше.
Это тот, что дал нам бога.

Мать его Иохабетой,
А отца Амрамом звали;

Самого же — Моисеем.
Он-то мой герой любимый!

Но Пегас мой слишком долго
Застоялся пред Колумбом;
А сегодня я в герои
Взял себе как раз Кортеса.

Поднимайся, конь летучий!
И меня на пестрых крыльях
В Новый Свет неси, в тот чудный
Край, что Мексикой зовется!

В тот дворец меня неси ты,
Где державный Монтесума
Дал гостям своим испанцам
Так радушно помещенье!

И не только кров и пищу
В самом щедром изобильи,
Но и множество подарков
Получили проходимцы.

Кучи редкостных изделий,
Золотых, массивных, ценных,
В ярком свете выставляли
Благодушие монарха.

Он, слепой язычник, чуждый
Просвещения Европы,
Еще верил в честность, в верность,
В святость прав гостеприимства.

Снизошел он и на просьбу
Удостоить посещеньем
Пир, что в честь ему испанцы
Дать в дворце своем хотели.

Простодушен и доверчив,
Царь с придворной свитой прибыл
На испанскую квартиру —
И концертом встречен трубным.

Как торжественная пьеса
Называлась, я не знаю...
Может, «Верностью испанской»!
Но Кортес был автор пьесы.

Дал сигнал он — и мгновенно
Монтесуму окружили
И, связавши, удержали
У себя, как аманата.

Тут и умер он. Тогда-то
Прорвались все заплоты,
Что от гнева мексиканцев
Дерзких выходцев спасали.

Страшно буря разразилась!
Словно бешеное море,
Лезли с воем ближе, ближе
Волны гневного народа.

Храбро гости отбивали
Каждый штурм. Но с каждым утром
Начинался новый приступ, —
И испанцы утомились.

Как не стало Монтесумы,
Истожились и припасы.
Сократились закуски —
И повытянулись лица.

Отощавшие испанцы
Друг на друга лишь смотрели,
Да, вздыхая, вспоминали
Христианскую отчизну,

Где их сердцу всё родное:
И гуденье колоколен,
И шипенье на жаровне
Смачной олlea-потриды...

Под распаренным горошком
Все наложены колбаски

С чесноком и соблазняют
Аппетитно-сладким паром.

Вождь созвал совет военный, —
И решили отступленье:
Завтра, самым ранним утром,
Выйдет из городу войско.

Без труда оно вступило
В город, хитростью Кортеса;
Но в обратный путь грозили
Роковые затрудненья.

Город Мексико построен
Весь на острове, и гордо
Среди озера большого
Поднимается, как крепость,

Сообщаясь с берегами
На плотках лишь, да на лодках,
Иль по гатям, да мостами
На громадных черных сваях.

Еще солнце не всходило,
Как пустились в путь испанцы;
Барабан не бил тревоги,
Не трубил трубач похода.

Сладкий сон своих хозяев
На рассвете потревожить
Не хотелось им. (Сто тысяч
Было в Мексико индейцев.)

Но испанцы собралися
Уходить, не расплатившись, —
И гораздо раньше встали
В это утро мексиканцы.

На мостах, плотках и гатях
Собралися они и ждали,
Чтоб гостям на расставаньи
Поднести прощальный кубок.

На мостах, плотях и гатях
Завязалась пирушка!
Кровь лилась рекой багровой,
И борьба на смерть кипела.

С грудью грудь они боролись —
И оттискивались ясно
На груди индейцев голой
Арабески лат испанских.

То-то было рубки, давки!
И отчаянная свалка
Страшно-медленно клубилась
Вдоль мостов, плотов и гатей.

Мексиканцы дико пели
И визжали, а испанцы
Бились молча, покупая
Каждый шаг свой свежей кровью.

В тесноте и давке мало
Было проку от военных
Европейских ухищрений:
От коней, от лат и пушек.

Да к тому ж иной испанец
Много золота наградил
И трудненько подвигался
Со своей греховной ношей.

Из-за адского металла
Очень многим приходилось
Погубить не только душу,
Но и тело вместе с нею.

Той порою челноками
Сплошь всё озеро покрылось.
С челноков летели стрелы
На мосты, плоты и гати.

Попадали в суматохе
И в своих они, конечно;

Но немало положили
И изящнейших гидальго.

На одном мосту свалился
Дон Гастон, державший знамя
Со святым изображеньем
Богородицы Марии.

Даже в этот образ стрелы
Мексиканцев попадали:
Шесть блестящих стрел воткнулись
Прямо в сердце — и остались,

Как мечи те золотые,
Что в великий пост пронзают
Грудь у Mater Dolorosa¹
На процессиях церковных.

Дон Гастон, прощаясь с жизнью,
Знамя передал Гонсальву;
Но и тот, стрелой сраженный,
Мертвый наземь покатился.

Сам Кортес, сам полководец,
Знамя взял — и нес высоко
Над конем весь день, до ночи,
До конца упорной битвы.

В битве с лишком полтора
В этот день легло испанцев;
С лишком восемьдесят взяли
В плен живыми мексиканцы.

Много раненых смертельно
После умерло. Средь боя
Лошадей двенадцать было
Иль убито, или взято.

Только к ночи рать Кортеса
Добралась до твердой почвы,

¹ Скорбная мать, богородица (лат.). — *Ред.*

Где лишь несколько плакучих
Ив росло, к воде склоняясь.

2

За кровавым днем сраженья
Наступила ночь триумфа.
Сотни тысяч ярких площаек
Всюду в Мексико пылают.

В свете сотен тысяч площаек
И в огне костров смолистых
Как в дневном стоят сияньи
Все дома, дворцы и храмы... —

И кумирня Вицли-Пуцли,
Что своей кирпично-красной
Массой так напоминает
Колоссальные строенья

Ассириян, вавилонян
И египтян, как их видим
Мы в изящнейших рисунках
Генри Мартина, британца.

Те ж громадные террасы,
По которым кверху, книзу,
Вдоль и вширь свободно ходит
Много тысяч мексиканцев.

На ступенях всюду группы
Диких воинов пируют,
В опьянении от победы
И от пальмового сока.

К кровле храма эти всходы
Поднимаются зигзагом,
К окруженной балюстрадой
И громаднейшей платформе.

Там на жертвеннике-троне
Восседает сам великий

Вицли-Пуцли, кровожадный
Бог войны. Он страшно-зlobен;

Но наружность так затейна
И так вычурно-забавна,
Что при тайном содроганьи
Смех невольно возбуждает.

Замечаешь в нем, взглядевшись,
Будто родственное что-то
С Бледной базельскою Смертью
И с брюссельским Манкен-Писсом.

Справа всё стоят миряне;
Всё попы стоят налево.
В ризы из узорных перьев
Облачилось духовенство.

А на мраморных ступеньках
Алтаря сидит столетний,
Безволосый, безбородый
Человечек в красной куртке.

Это жрец главнейший. Точит
Он ножи свои; с усмешкой
Точит их — и всё порою
Смотрит искоса на бога.

И как будто понимая
Эти взгляды, Вицли-Пуцли
И ресницами моргает,
И сжимает даже губы.

Тут же жмутся на ступеньках
Храмовые музыканты
С барабанами, с рогами.
Треск и стон стоит ужасный!

Треск и стон стоит ужасный!
Вот и певчие запели
Мексиканское «Te Deum». ¹
Ну, точь-в-точь мячат кошки!

¹ Тебя бога (хвалим; — лат.). — *Ред.*

Да, точь-в-точь мяучат кошки,
Но из крупной той породы,
Что людей хватают вместо
Крыс — и тиграми зовутся!

И лишь только эти звуки
Донесет на берег ветер,
У испанцев, там приставших,
Заскребут на сердце кошки.

Там, под ивами, уныло
Всё стоят они и смотрят...
Смотрят пристально на город,
Отражающий на темной

Влаге озера, как будто
Им назло, огни триумфа.
Все стоят как бы в партере
Колоссального театра.

Кровля ж храма Вицли-Пуцли
Вся сияет, словно сцена.
Там играют в честь победы
Нынче пьесу под заглавьем:

«Человеческая жертва».
Содержанье очень древне, —
И не так ужасно в нашей
Христианской обработке,

Где вкушаем вместо крови
Мы вино, а вместо тела
Лишь безвредную лепешку
Из муки обыкновенной.

Но не то у этих диких!
Шутка их грозна, серьезна:
Телом будет — точно тело,
Кровью будет — кровь людская.

И на этот раз обилье
Христианской чистой крови,

Не мешавшейся издавна
С кровью мавров иль евреев!

Веселися, Вицли-Пуцли!
Вдоволь есть испанской крови!
Теплым паром этой крови
Ты потешишь обонянье.

Нынче восемьдесят с лишком
Пред тобой врагов заколют;
Будет славное жаркое
У жрецов твоих на ужин.

Ведь жрецы такие ж люди,
И должны, как все, питаться,
И, конечно, жить не могут
Только запахом, как боги.

Чу! вот в смертные литавры
Бьют! вот громко рог рокочет!
Это знак, что уж восходят
К кровле жертвы на закланье.

Да, позорно обнаженных,
Пленных тащат и волочат
По ступеням, — закрутили
За спиной им крепко руки.

Перед ликом Вицли-Пуцли
Силой ставят на колени
И к потешной пляске нудят
Их кровавым истязаньем.

От ужасных мук испанцы
Так кричат и стонут громко,
Что за воплями их глохнет
Каннибальский гам и грохот.

Жутко публике! Кортесу
И его дружине слышны
Эти вопли. Все в тех воплях
Голоса друзей узнали.

И на ярко освещенной
Сцене всё им ясно видно —
И фигуры, и движенья,
Видно нож, и кровь им видно.

Тут испанцы сняли шлемы,
Опустились на колени,
Стали петь псалом надгробный,
Стали петь и «De profundis».¹

Среди тех, что умирали,
Был Раймондо де Мендоса,
Сын прекрасной аббатиссы,
Молодой любви Кортеса.

Как у юноши на шее
Медальон с ее портретом
Увидал Кортес — слезами
У него глаза затмило.

Но он вытер эти слезы
Жесткой кожаной перчаткой,
Глубоко вздохнул — и начал
Петь с другими: «Misere!»²

3

Всё бледней мерцают звезды,
И над озером туманы
Поднялись как привиденья,
Волоча свой белый саван.

Пир погас, огни потухли;
И попы и прихожане
Разлеглись на кровле храма
И храпят на лужах крови.

Нету сна лишь красной куртке.
При огне последней лампы

¹ Из глубины (лат.). — *Ред.*

² Помилуй! (лат.). — *Ред.*

С сладострастно-злобным визгом
Жрец лепечет истукану:

«Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!
Мой божочек Вицли-Пуцли!
Позабавился ты нынче
И понюхал ароматов.

Недурна ведь кровь испанцев?
Как дымилась аппетитно!
А твой лакомый носишка
Так и лоснился довольством!

Завтра мы коней заколем,
Благородно-ржущих чудищ.
Духи ветра их родили,
Любодействуя с моржами.

Будь умен — и я зарежу
Для тебя обоих внуков,
Мальчуганов с сладкой кровью,
Услаждающих мне старость.

Только будь умен — и больше,
Больше дай побед нам новых!
Дай побед нам, мой божочек!
Пуцли-Вицли! Вицли-Пуцли!

Истреби врагов ты наших,
Этих выходцев, приплывших
К нам из дальних и доньне
Не открытых стран заморских!

Что им дома не жилося?
Голод гнал иль преступленье?
Правду молвит поговорка:
От добра добра не ищут!

Что им нужно? Набивают
Нашим золотом карманы
И хотят, чтоб нам блаженство
Где-то на небе досталось.

Нам сперва казалось — это
Существа породы высшей,
Дети солнца; им, бессмертным,
Гром и молния подвластны.

Но они такие ж люди,
Так же смертны! Нынче ночью
Я ножом своим извещал
Человечность их и смертность.

Те же люди! и не лучше
Нашей братьи. А иные
Есть и гаже обезьяны:
Обросла вся рожа шерстью.

Говорят, в штанах запряган
У иных и хвост такой же.
Если ты не обезьяна,
И штанов тебе не нужно!

Да и нравственно-то гадки!
Ничего им нет святого:
Слышал я, что пожирают
И своих богов-то даже.

Истреби ты этих гнусных
Нечестивцев, богоедов!
Дай побед нам, Вицли-Пуцли!
Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!»

И в ответ жрецу раздался
Голос бога, грустный, хриплый
И глухой, как ветер ночи,
Речь ведущий с камышами:

«Жрец ты мой! мясник кровавый!
Резал ты народу много.
Наточи теперь свой ножик,
Распори себе ты брюхо!

Из распоротого брюха
Упрыгнет душа — поскачет

По камням, пням и кочкам
На лягушечью трясину.

Там сидит царица жаба,
Тетка мне. Она промолвит:
«Здравствуй, душенька! Здоров ли
Мой племянничек любезный?»

Как-то он в сияньи солнца
Вицли-пуцельствует нынче?
Всё ль отмахивает счастье
От него и мух и думы?

Иль в железных, черных лапах,
Омоченных в яд ехидны,
Он сидит у Кацлагары,
Злой богини бед и горя?»

Отвечай, душа без тела:
«Шлет поклон свой Вицли-Пуцли
И от всей души желает,
Чтоб тебе, проклятой, лопнуть!

Ты войну ему внушила,
И совет твой стал бедою.
Наступает исполненье
Горьких древних предсказаний,

Что погибель будет царству
От пришельцев с бородами;
Что с Востока принесут их
Деревянные к нам птицы.

Есть и старое присловье:
Бабья воля — божья воля!
Божья воля крепче вдвое,
Если баба — мать божья.

А она мне и враждебна,
Гордая царица неба,
Непорочная девица,
Чудотворка, чародейка.

Под ее щитом испанцы
Победят нас, — и погибну
Я, из всех богов жалчайший,
С бедной Мексикою вместе».

Как исполнишь порученье,
Пусть душа твоя в трясину
Заползет — и спит спокойно,
Чтоб моих не видеть бедствий.

Этот храм падет, а сам я
Погребусь в огне и дыме
И в развалинах, — и больше
Никому меня не видеть.

Но я буду жив: мы, боги,
Долголетней попугаев;
Как они же, мы линияем
И меняем только перья.

В край врагов моих, известный
Под названием Европы,
Я уйду. Мне там открыта
Будет новая карьера.

Превращусь из бога в черта,
Адским пугалом там стану
И, как злейший враг, с врагами
Поступать начну жестоко.

Стану их терзать и мучить
И пугать толпой видений;
Предвкушенья ада, серу,
Всюду нос их будет чуют.

Мудрецов их, дураков их
Соблазнять начну я; стану
Щекотить их добродетель,
Чтоб она как... смеялась.

Да, я буду чертом, чертом!
И сведу теснее дружбу

С Астаротом, Вельзевулом,
Сатаной и Велиалом.

И с тобой сойдусь я, Лили,
Мать греха, змея-ползунья!
Ты изящному искусству
Лжи и зла меня научишь

Милой Мексики не в силах
Я спасти от разрушенья;
Но отмщу ужасной мезтью
Я за Мексику родную!»

КОММЕНТАРИИ

В основу стихотворения положена история кровавого завоевания Мексики испанскими конкистадорами (1519—1526) под командой Фернандо *Кортеса* (1485—1547); у Михайлова — *Фердинанд*. *Вицли-Пуцли* — бог войны у древних мексиканцев. *Риджент-стрит* — улица в Лондоне. *Статуя Эразма* — памятник Эразму Роттердамскому (1466—1536), выдающемуся ученому-гуманисту эпохи Возрождения, на его родине в г. Роттердаме (Голландия). *Венусберг* — Венерина гора, название нескольких гор в Германии, в которых, по

народным сказаниям, живет богиня Венера. *Кифгейзер* — гряда гор в Тюрингии (Германия), в которых находятся развалины замка Кифгаузен, известного по мифологическим сказаниям. *Барбаросса* (Рыжая Борода) — прозвище германского императора Фридриха I (XII в.). *Монтесума* (1466—1520) — последний царь Мексики. *Оллеа-потрида* — испанское кушанье, род горячего винегрета с мясом. *Мартин Джон* (у Гейне ошибочно — *Генри*) (1789—1854) — английский живописец. *Базельская Смерть* — «Пляска смерти», фреска в Базельском соборе (Швейцария) в память эпидемии чумы. *Манкен писс* — статуя над фонтаном в Брюсселе, изображающая мальчика, мочащегося в бассейн. *Те Деум* — католическая молитва. *De profundis* и *Miserere* — католические заупокойные молитвы. *Астарот* (Астарта) — имя главной богини у семитов-язычников; символом ее служили два рога. *Вельзевул*, *Велиал* — имена сатаны. *Лили* (Лилит) — первая жена Адама, мать злых духов.